

Оглавление

Посвящение.....	7
Благодарности.....	8
Вместо предисловия.....	9
Глава 1. Розовое платье, или Начало подвигов.....	21
Мне двадцать два.....	23
Глава 2. Детишки, потерявшийся памперс, или Что для нас норма.....	33
Слетевший памперс.....	35
Он не дотянется.....	38
Маруся, или Это тоже норма.....	43
Глава 3. Мы не знаем, что происходит в голове у наших близких.....	51
Четыре утра.....	53
Мать и сын.....	56
Веревка.....	60

Глава 4. «Социалка»	65
Самое начало.	67
Агония.	70
Открытые двери.	74
Человек и кошка, или Отек легких	78
Всю жизнь вместе.	84
Дедушка с телевизором	88
Глава 5. Кошечки, собачки и... лоси со змеями	97
Кошечки	100
Собачья благодарность.	108
Лоси, лоси. Кругом одни лоси.	113
Змеи и Москва	117
Глава 6. Двери, люди, креветки	123
Да он просто у зубного был.	125
Две женщины и дверь.	133
Общага, или Исповедь	137
Мясо и креветки.	139
Глава 7. Смех сквозь слезы.	143
Как учили есть котят.	145
Голубь, голубь... а вот кто за ним? Не знаем	150
Помогите!!!	155
Немного не туда	157

Глава 8. Самый стандартный вызов	165
Коробочка	167
И как работать?	170
Нас травят, или Нестранные странности	173
Колечко, колечко, кольцо	176
Как правильно отмечать Новый год	180
Кинг курит в стороне	184
Глава 9. Третья улица строителей, или «Ну кто так строит?»	189
Карлсон, который живет на крыше	191
Орган. Ударение на «а»	198
Немного опоздали	202
Глава 10. Девочки — такие девочки	207
И снова авария на МКАДе	209
Все слышали? Бабушка сказала: «Поеду!»	214
Лестница, бабушка, ЧМТ	218
Эпилог. Тридцать нажатий — два вдоха	223
Словарь спасателя	227

Письмо никак не приходит. Я хожу по комнате из угла в угол, напоминая себе белку. Я передумала за этот вечер обо всем, о чем только было возможно. Обо всем, на что хватило фантазии моему предельно уставшему мозгу. И что передается он только через кровь — моим близким не грозит беда, если что. И что мы предохранялись, занимаясь любовью, — любимый мужчина будет в целости, если что. И... еще очень много, много всего — «если что».

И мысль... Подлая мысль... А стоит ли чужой человек таких жертв? Я ведь даже не знаю, как его зовут, жив ли он сейчас.

Я второй раз вынимаю из стиральной машины один и тот же пододеяльник, а в голове крутится картина.

— Качать можешь? — Мужчина с надписью на спине «Регистрация» стоит на коленях посередине коридора рядом с маленьким худым человеком с бородкой и без возраста. Вокруг них разлита лужа красной жидкости. Кровь вытекает из этого бледного человека с бородкой.

Молча киваю. ЖКК — желудочно-кишечное кровотечение, одно из самых обильных и зрелищных. Лестничная

клетка постепенно начинает приобретать краски заката: от густо-бордового вокруг мужчин до легко-розового у стен.

Врач пытается делать Бородке непрямой массаж сердца и одновременно ищет у него вену, чтобы поставить капельницу.

— Варезки есть? — Огромные черные руки ловко достают венозный катетер из упаковки.

Мотаю головой, постепенно приходя в себя от неожиданности картины.

— Держи. — Огромная рука протягивает мне пару одноразовых медицинских перчаток.

Надеваю их, встаю на колени и начинаю делать непрямой массаж сердца. В голове крутится: тридцать нажатий — два вдоха, тридцать нажатий — два вдоха.

Прошел час, как мы получили вызов на этот адрес. Он не считается экстренным. По заявке надо было открыть дверь инвалиду, у которого в замке сломался ключ. Тридцать нажатий — два вдоха.

Мы никак не могли доехать — несколько раз нас перенаправляли на более экстренные вызовы. По дороге мы спасли бабушку, которая сломала ногу. Скорая не могла попасть к ней в квартиру, чтобы помочь. Мы вскрыли дверь вовремя — еще несколько минут, и бабушка могла бы умереть от потери крови.

Мы ехали, ехали... И вот мы приехали. Тридцать нажатий — два вдоха.

Спальный район где-то на юге Москвы. Панельная серая девятиэтажка. Рядом с нужным нам подъездом стоят две кареты скорой помощи.

— Что-то странно. Должна быть только одна скорая, которая его из больницы привезла. И та — медицинская перевозка. Там же вскрыть дверь инвалиду, который приехал из больницы, а замок сломался? Так ведь? Без угрозы жизни? — Командир смотрит на меня. Я беру записи и еще раз все перепроверяю. Тридцать нажатий — два вдоха.

— Да, все верно. Может, реанимация на другой адрес? Бензорез, «хулиган», кувалда? — я закрываю блокнот, застегиваю боевку и беру в руки инструмент.

— Да, и слесарку возьмите. Я машину переставлю и догоню. Документы проверьте и начинайте без меня. Там еще один вызов в очереди.

Мы с Рыжим, Доком и Косым берем оборудование и входим в подъезд. Тридцать нажатий — два вдоха.

На первом этаже перед лифтом надпись:

НЕ верьте бабушке из 381 квартиры. Мы не пытаемся ее отравить. Соседи из 380 и 379 квартир.

Тридцать нажатий — два вдоха.

— Мы же не в 381 квартиру? — Косой, как всегда, шутит.

Мы поднимаемся на нужный нам этаж. Общий предбанник на три квартиры. Тридцать нажатий — два вдоха.

На полу лежит маленький сухонький человек с бородкой, его глаза открыты. Но он не здесь. Вокруг него растекается красная лужа. Соседей не видно. Только какие-то посторонние люди, стоящие в стороне у лифта с вещами этого человека в руках.

Бригада скорой помощи, которая привезла его из больницы, тоже, как и люди с вещами, стоит в стороне и ничего не делает.

— Странно, — проносится в голове, но тут же обрывается. Тридцать нажатий — два вдоха.

Пространства мало. Узкий коридор. Бородка лежит посередине. Рядом с ним работают двое.

Плечистый лысый мужчина с огромными, покрытыми черными волосами руками и спокойным лицом напоминает многорукого бога Шиву. Он пытается одновременно качать, дышать и ставить капельницу. Врач-реаниматолог.

Второй мужчина пытается включить и настроить аппарат ИВЛ — искусственной вентиляции легких. У него это никак не получается. Он психует и тихо матерится. Руки начинают подрагивать. Видимо, фельдшер. Тридцать нажатий — два вдоха.

Шива поднимает голову и видит нас с Рыжим.

— Качать можете? В вену не могу попасть — совсем сосуды спались. Кровопотеря слишком большая.

Тридцать нажатий — два вдоха.

Я качаю, Рыжий дышит. Маска АМБУ полностью покрывает лицо мужчины. Кажется, что он настолько мал по сравнению со всеми нами и коридором, что чуть посильнее нажать — и можно сломать ему ребра. Тридцать нажатий — два вдоха.

Впервые за многие годы совместной работы обращаю внимание на то, что у Рыжего руки тоже огромные и волосатые, как у Шивы. Только — рыжие. Тридцать нажатий — два вдоха.

Три пары рук: черные волосатые, рыжие волосатые, и без волос — мои.

Теперь я дышу, Рыжий качает. Тридцать нажатий — два вдоха.

Черные волосатые руки пытаются найти вену, чтобы поставить капельницу. Тридцать нажатий — два вдоха.

Мы опять меняемся с рыжими руками местами. Тридцать нажатий — два вдоха.

Снова и снова, цикл за циклом, делаю непрямой массаж сердца. Спина и руки прямые, тридцать раз надавливаю на грудь, Рыжий два раза дышит. И так пять циклов подряд. Очень выматывающая процедура — физически быстро устает. Пытаюсь отвлечься от боли в руках. Рассматриваю стены. Тридцать нажатий — два вдоха.

Обычный общий коридор, предбанник на три квартиры. Таких в Москве тысячи. Вещи, велосипед...

На одной из стен натыкаюсь взглядом на знак анархии.

— Смешно... — проносится в голове. Тридцать нажатий — два вдоха.

Черные волосатые руки в вене. По спавшимся сосудам начинает бежать кровезаменитель. Тридцать нажатий — два вдоха... Постепенно восстанавливается кровообращение.

Фельдшер запускает ИВЛ и подключает к Бородке. По его лицу течет пот. Он вытирает его рукавом.

Я оборачиваюсь. В коридоре кроме нас троих и фельдшера — никого. Мы с Рыжим стоим на коленях около Бородки с разных сторон, следя за его состоянием, фельдшер донастраивает ИВЛ, врач проверяет катетер. Бригада медицинской перевозки уехала. Тридцать нажатий — два вдоха.

Врач закрепляет катетер, чтобы тот не выскочил из вены. Еще раз осматривает мужчину. Он завелся. Сердце забилося. Аппарат теперь дышит за него.

— Ну, вот и славно. Ребята, спасибо. Ира, ты взяла документы? — В коридор входит девушка. По сравнению с врачом и фельдшером она кажется Дюймовочкой. На ней синий форменный комбинезон скорой помощи. Она бледна, как стенка с надписью «анархия».

— Вадим Семенович, там... там... — она начинает заикаться.

— Дай сюда! — он вырывает листок бумаги из ее рук. Тридцать нажатий — два вдоха.

— Вот же ж... Теперь ясно, почему они в стороне стояли. Вот ссуки! Передали реанимации и, значит, чисты?!

Мы переглядываемся с Рыжим и фельдшером. Под ложечкой начинает щемить, в голову лезут дурные мысли. Тридцать нажатий — два вдоха.

— ВИЧ! — ПРИГОВОР ОЗВУЧЕН.

Тридцать нажатий — два вдоха.

Наступает тишина. Мы вчетвером стоим на коленях рядом с женщиной. Все в крови.

Я думаю: «Я же в перчатках — значит, все хорошо». Тридцать нажатий — два вдоха.

Смотрю автоматически на свои руки. И начинаю тихо ненавидеть кота.

Огромный сибиряк, у которого я была в гостях в выходные. И который был не слишком рад моим объятьям. Тридцать нажатий — два вдоха.

При работе было жарко, и рукава формы немного задралась. А там... почти зажившие царапины. Ох уж это слово — «почти»... Тридцать нажатий — два вдоха.

Рыжий передегеривается. И тоже, на автомате, проверяет себя.

— Чист, — выдыхает облегченно. Тридцать нажатий — два вдоха.

Врач снимает перчатки. Они порваны на пальце. У него свежие царапины. Тридцать нажатий — два вдоха.

— Вот б... — в сердцах произносит фельдшер. — Теперь затаскают по инстанциям. — Он чист. Только на рукаве куртки несколько капель крови. Тридцать нажатий — два вдоха.

Мы собираем все оборудование в тишине. Берем носилки и перекладываем человека с бородкой для транспортировки в машину реанимации. Мы полностью застегнуты везде, не смотря на жару. На руках новые перчатки, две пары, надетые друг на друга. Молча спускаемся по лестнице с пятого этажа.

Друзья Бородки — люди с вещами, все это время стоявшие за дверью предбанника перед лифтом — идут поодаль. Они знают диагноз. Их друг — бывший наркоман и алкоголик. ВИЧ, гепатит, цирроз печени. Социально неблагонадежный элемент, так сказать. Тридцать нажатий — два вдоха.

В голове только один вопрос: стоило ли так рисковать собой, чтобы его спасти? Да и спасти ли с такой кровопотерей и таким набором диагнозов, вряд ли он еще долго проживет. Тридцать нажатий — два вдоха.

Мы спускаемся, перекладываем человека, так и не пришедшего в сознание, в машину реанимации. Прощаемся с врачом и фельдшером. Они оба спокойны, как и до диагноза. Стоим у своей СПАСы. Я начинаю остервенело отмываться спиртом везде. И вот теперь у меня начинается паника. Одежда в крови, руки тоже.

- Успокойся, он на воздухе практически не живет.
- А если в царапины попало?
- Ты параноик, — говорит мне Рыжий, остервенело обрабатывая руки и боевку спиртом. Тридцать нажатий — два вдоха.